

ТОЧКИ РОСТА: МИР РОССИИ – МИР ЕВРАЗИИ

О российской гуманитарной политике на евразийском пространстве

Доклад

по итогам ситуационного анализа, проведенного в рамках
Международной экспертной сессии «Точки Роста – Алтай»
(ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь», Алтайский край, 29 сентября 2023 г.)

Москва – Барнаул

2024 г.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение	3
2. Ситуация	7
1.1. Концепция «мягкой силы» в России: почему опыт не удался?	7
1.2. Гуманитарная политика России: что это?.....	10
1.3. Гуманитарное влияние России в Евразии: ценности и смыслы.....	14
3. Интрига	18
3.1. Русский язык и культура.....	18
3.2. Российское образование и наука.....	19
3.3. Общественная дипломатия.....	20
3.4. Соотечественники за рубежом.....	21
3.5. Молодежная политика	22
3.6. Медиафера.....	23
4. Практические предложения и рекомендации	25

1. Введение

29-30 сентября 2023 г. в Алтайском крае, в ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь», при поддержке Фонда Президентских Грантов, Фонда Горчакова и Правительства Алтайского края в рамках Международного форума «Точки Роста: мир России – мир Евразии» состоялась Международная экспертная сессия, на которой ведущие эксперты проекта «Точки Роста» из 5 стран Евразийского экономического союза (Россия, Беларусь, Киргизия, Армения и Казахстан) приняли участие в ситуационном анализе гуманитарной политики России на евразийском пространстве.

Организатором и модератором ситанализа выступил директор АНО «Институт Русского зарубежья» и руководитель проекта «Точки Роста» **Пантелеев Сергей Юрьевич**.

В работе ситанализа и подготовке настоящего доклада приняли участие: **Авдонин Алексей Алексеевич**, экономист, политический эксперт, (Беларусь); **Базина Елена Геннадиевна**, консультант отдела межрегионального сотрудничества департамента Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по внешним связям и протоколу (Россия); **Братушков Николай Владимирович**, председатель Совета депутатов Городского округа Коломна (Россия); **Гайда Федор Александрович**, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX – начала XX в. исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); **Гущин Александр Владимирович**, кандидат исторических наук, историк, старший научный сотрудник РГГУ, (Россия); **Дзермант Алексей Валерьевич**, директор центра изучения и развития континентальной интеграции «Северная Евразия», научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Республики Беларусь (Беларусь); **Домуховский Михаил Алексеевич**, начальник Управления международной деятельности ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Россия); **Зинковская Дарья Эльбертовна**, директор АНО «Институт социально-креативного развития актива» (Россия); **Куприенко Дарья Михайловна**, руководитель проектов Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова (Россия), **Лапенко Марина Владимировна**, доцент кафедры сравнительной политологии РУДН, приглашенный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Россия); **Луц Сергей Сергеевич**, председатель общественно-политического движения «Союз» (Беларусь); **Мудрова Светлана Владимировна**, заведующая кафедрой политической экономии и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова (Россия); **Ороскулов Таалайбек Жумабекович**, редактор-обозреватель Sputnik Кыргызстан, г. Бишкек, (Кыргызстан); **Сапрыка Виктор Александрович**, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия); **Синицын Михаил Владимирович**, эксперт по международным отношениям (Россия); **Степанюк Александр Владимирович**, председатель Русского культурного центра «Гармония», член Всемирного координационного совета российских соотечественников (Кыргызстан); **Тажобаев Алибек Тимитаевич**, руководитель Центра

аналитических исследований «Евразийский мониторинг», г. Астана, (Казахстан); **Халатян Айк Грантович**, руководитель Аналитического центра стратегических исследований и инициатив, политический обозреватель ИАЦ VERELQ (Армения); **Шавина Евгения Викторовна**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономии и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова (Россия).

В работе Международной экспертной сессии также приняли участие девушки и юноши, участники проекта «Точки Роста» из 5 стран ЕАЭС.

Ситуационный анализ был структурно разделен на четыре больших блока. Вступительный из них был посвящен рассмотрению современной **ситуации** с российской гуманитарной политикой в целом и на евразийском пространстве в частности в рамках трех тематических групп вопросов:

1. Концепция «мягкой силы» в России: почему опыт не удался?
2. Гуманитарная политика России: что это?
3. Гуманитарное влияние России в Евразии: ценности и смыслы.

В рамках следующего блока вопросов рассматривалась **интрига** нынешней ситуации в контексте евразийской интеграции с характеристикой основных направлений российской гуманитарной политики с точки зрения их состояния, нераскрытых возможностей и инструментов реализации. В ходе «мозгового штурма» были проанализированы следующие основные направления:

1. Русский язык и культура.
2. Российское образование и наука.
3. Общественная дипломатия.
4. Соотечественники за рубежом.
5. Молодежная политика.
6. Медиасфера.

Результаты третьего блока ситанализа, связанного с моделированием, в тексте доклада не отражены. По мнению экспертов проекта остается актуальной содержащаяся в предыдущем докладе модель развития ситуации в Евразии по трем сценариям – позитивному, негативному и срединному. Год назад эксперты сошлись во мнении о том, что в нынешних предельно динамичных и конфликтных условиях прогноз даже с горизонтом планирования до 2025 г. является технологически проблемным. И главным фактором, определяющим процесс евразийской интеграции, в том числе возможности реализации гуманитарной политики России на евразийском пространстве, являются результаты СВО.

В связи с актуальностью модели 2022 г. эксперты в ходе ситанализа сосредоточились на оценке опыта и перспектив реализации **Международного проекта в сфере публичной дипломатии «Точки Роста»** в контексте гуманитарной политики России в Евразии.

В заключительной части эксперты резюмировали свои **практические предложения и рекомендации** по шести выделенным направлениям российской гуманитарной политики на евразийском пространстве.

Предварительные итоги ситуационного анализа были отражены в аналитических документах, представленных АНО «Институт Русского

зарубежья» Фонду поддержки публичной дипломатии им. А.И. Горчакова и Фонду президентских грантов в октябре 2023 – январе 2024 гг.

Настоящий доклад продолжает, развивает и уточняет позицию экспертов проекта «Точки Роста», изложенную в предыдущих докладах: «Точки Роста: Евразийская повестка 2030»¹ по итогам ситуационного анализа, проведенного в рамках международной экспертной сессии «Точки Роста – Коломна» в 2021 г. и «Точки Роста: Восточный вектор евразийской интеграции»² по итогам ситуационного анализа, проведенного в рамках Международной экспертной сессии «Точки Роста – Киргизия» в 2022 г.

Эксперты проекта «Точки Роста» с удовлетворением отмечают, что содержащиеся в наших докладах практические предложения и рекомендации находят свое применение в политической практике или же в целом соответствуют концептуальным подходам, определяющим содержание российской внешней политики.

Так, практические рекомендации, содержащиеся в итоговом экспертном докладе проекта «Точки Роста» за 2021 г., внесли вклад в формирование приоритетов внешней политики России – часть разработанных комплексных предложений относительно евразийской интеграции стали основой для ряда положений постановления Совета Федерации от 15 декабря 2021 года № 549-СФ «О приоритетах внешней политики Российской Федерации»³.

В докладе на основе ситуационного анализа 2022 г., посвященном восточному вектору евразийской интеграции, раздел практических предложений и рекомендаций начинался с утверждения о необходимости самоопределения России в существующем концептуальном противоречии между «государством-нацией» и «государством-цивилизацией» и отказе от российского национализма в пользу наднационального русского цивилизационного универсализма на основе общих традиционных ценностей⁴.

В принятой в 2023 г. Концепции внешней политики РФ это концептуальное противоречие решительно снято путем внесения положения о России как самобытном государстве-цивилизации, «обширной евразийской и евро-тихоокеанской державе, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»⁵.

Хочется особо отметить, что мы не ставили перед собой задачи оценки деятельности существующих государственных и общественных институтов, связанных с реализацией российской гуманитарной политики. Наш анализ касается общих концептуальных подходов, применяемого инструментария, конкретных практик.

¹ См.: ТОЧКИ РОСТА: Евразийская повестка 2030. ДОКЛАД по итогам ситуационного анализа // <https://russkie.org/library/tochki-rosta-evraziyskaya-povestka-2030-doklad-po-itogam-situatsionnogo-analiza/>

² См.: ТОЧКИ РОСТА: Восточный вектор евразийской интеграции // <https://russkie.org/library/tochki-rosta-vostochnyy-vektor-evraziyskoj-integratsii-doklad-po-itogam-situatsionnogo-analiza/>

³ См.: О приоритетах внешней политики Российской Федерации // <http://council.gov.ru/activity/documents/132697/>

⁴ ТОЧКИ РОСТА: Восточный вектор евразийской интеграции // <https://russkie.org/library/tochki-rosta-vostochnyy-vektor-evraziyskoj-integratsii-doklad-po-itogam-situatsionnogo-analiza/>

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) // <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru&ysclid=lsr2qpyneq860798275>

Настоящий текст доклада содержит практические рекомендации для органов государственной власти и институтов, связанных с реализацией российской гуманитарной политики на евразийском пространстве, и будет направлен в соответствующие структуры.

Благодарим Фонд Горчакова за поддержку проекта «Точки Роста» и содействие в проведении ситуационных анализов в г. Коломна Московской обл. в 2021 г., в Иссык-Кульской обл. Кыргызской Республики в 2022 г. и в Алтайском крае в 2023 г.

2. Ситуация

Первая часть ситуационного анализа прошла в формате «круглого стола», в ходе которого экспертам было предложено дать характеристику современной ситуации с российской гуманитарной политикой в целом и на евразийском пространстве в частности.

1.1. Концепция «мягкой силы» в России: почему опыт не удался?

Активно использовавшийся ранее термин «мягкая сила» в последнее время в России вытесняется понятием «гуманитарная политика». На фоне жесткого геополитического противостояния с США и их союзниками это является закономерным следствием разочарования в опыте «вхождения России в мировую цивилизацию», неудачной попытке «стать частью Запада».

Автор термина «мягкая сила» (англ. soft power) – американский политолог, профессор Гарвардского университета Джозеф Най. Согласно его концепции, язык и культура страны являются «мягкой силой», которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую или косвенно на мировую политику, социальные и деловые связи и, таким образом, позволяет добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение. При этом в творчестве самого Джозефа Ная данная концепция эволюционировала в сторону гибкого соединения инструментов «мягкой» и «жесткой силы», названного термином «умная сила» (англ. smart power). Начиная с 2018 г. в США данные подходы стали дополняться идеей «острой силы» (англ. sharp power) — формой внешнеполитической деятельности, предполагающей использование средств манипулирования общественным мнением в других странах и направленной на подрыв их политических систем. Этот термин используется на Западе при описании политики так называемых «автократических» режимов, действия которых направлены на «подрыв демократии».

Таким образом, при разговоре о «мягкой силе» необходимо учитывать эволюцию концепции в самих США в сторону более жестких и манипулятивных методов воздействия в отношении тех стран, на которые они хотят распространять свое влияние.

Эксперты также обращают внимание на понятие «VUCA реальность» (т. е. непостоянство, неопределенность, сложность, неоднозначность), которое активно применяется в области экономики и корпоративного взаимодействия в западном политическом поле.

Очевидно, что сегодня России необходимо переоценить сложившуюся геополитическую среду, отказаться от «неработающих» подходов в сфере публичной дипломатии, в том числе по причине их вторичности, некритичного заимствования у конкурентов, выработать новые собственные подходы к гуманитарной политике.

Имеющийся опыт реализации концепции «мягкой силы» в России, помимо ее «вторичности», был неудачным прежде всего потому, что **на протяжении долгого времени ни самой концепции, ни системы координации ключевых центров принятия решений и управления процессами в принципе не было.** Этому способствовал ряд объективных факторов: распад единого государства СССР, процесс деидеологизации, вхождение в «цивилизованный мир», в результате чего собственные парадигмы развития и собственные смысловые категории реализовывались с большим трудом или вообще не реализовывались.

Несмотря на использование понятия, сама концепция «мягкой силы» в отечественной традиции не была разработана. При многочисленных разговорах забывали о главном – об инструментах и методах. О цели тоже забывали. Отсутствие методологии приводило к тому, что пустой термин «мягкая сила» заменял отсутствующие идеологию и ценности.

Поскольку инструменты, институты и методы, которые успешно могли бы применяться, не были научно обоснованы, они имели ограничения в практическом применении. До сих пор наблюдается разрыв между наукой, практикой и государственной политикой. НКО работают в одной парадигме, образовательные учреждения – в другой, научные центры – в третьей. Государство в недостаточной степени выполняет функции координатора.

Начиная с 90-х гг. прошлого века Россия традиционно работала не с обществами стран постсоветского пространства, а с их элитами, существенно оторванными от собственного населения. Евразийская интеграция до сих пор сводится к экономике, а инструменты поддержки общественного сектора и инициатив гражданского общества у нас практически отсутствуют. Это связано с тем, что у нас нет целостного понимания того, как работает «мягкая сила».

Значительная доля коммуникации с обществами наших соседей сводилась к апелляции к общему прошлому, но мы не экспортировали своё видение будущего. Происходило это прежде всего потому, что использовавшаяся концепция «единого гуманитарного пространства от Лиссабона до Владивостока», которую мы поддерживали, предлагала нашим соседям сблизиться с Россией, но ради встраивания в тот же глобальный западоцентричный мир. **«Западный вектор», по сути, представлялся безальтернативным как для российских элит, так и для элит постсоветских государств.** Это привело к тому, что люди с искренними русофильскими взглядами и устремлениями, видевшие в России глобальную альтернативу западоцентричному мироустройству, воспринимались порой даже нашими дипломатами, представителями России за рубежом как «подозрительные». Только год назад, в марте 2023 года, было создано Международное движение русофилов. До этого времени русофильская зарубежная общественность не находилась в поле концентрированного внимания. По этой же причине на руководящих должностях в медиапроектах (Sputnik и др.) в странах ближнего зарубежья нередко оказывались люди с взглядами, далекими от пророссийских, по принципу «нужны профессионалы, а какие у них взгляды – не важно».

У России до последнего времени отсутствовали эффективные механизмы реализации внешнеполитической общественной активности – грантовая система, ресурсные центры, контактные центры, которые обеспечивали бы

большой охват людей. Была лишь доставшаяся во многом от СССР сеть РЦНК, и то преимущественно в столицах. В то время как конкуренты выстраивали сети вплоть до кварталов.

В связи с этими обстоятельствами некоторые эксперты оценивали стиль российской «мягкой силы», без негативной коннотации, как **«реактивно-консервативный»** (*Алексей Дзермант*), уточняя, что это работает, но проигрывает той ситуации, когда западные оппоненты (конкуренты) выстроили целостную систему продвижения своих образцов технологического, экономического и культурного развития, сделав из неё своеобразный элемент «моды», пропуск для сторонников этих образцов в «цивилизованное» общество.

Антиподом реактивно-консервативному подходу выступает, например, политика КНР, которая в последнее время даже в союзной России Беларуси демонстрирует зачастую более эффективные методы влияния на общество и элиты. Это происходит потому, что в Китае есть чёткие идеологические параметры: сообщество единой судьбы, проект «Один пояс – один путь», социализм с китайской спецификой и т.д. При этом Китай неплохо разъясняет смысл этих абстрактных вещей, особенно молодым людям. И не просто разъясняет, а предлагает стажировки, взаимодействие с экспертным сообществом, поддержку и выдвижение лидеров общественного мнения на уважаемые позиции. Это доказывает то, что **Китай обладает единым центром принятия решений – Международный отдел КПК отвечает за продвижение «мягкой силы» КНР.**

Среди причин неудачи российской «мягкой силы» эксперты называли также отсутствие креативности, непрофессионализм в подаче и продвижении проектов, ставку на старшее поколение как основную целевую аудиторию, увлечение методами т.н. «балалаечной дипломатии», недофинансирование гуманитарной сферы в целом.

Было высказано особое мнение (*Михаил Сеницын*), не согласное с тем, что опыт «мягкой силы» совсем не удался. Согласно такому подходу, если бы российская «мягкая сила» была столь неэффективной, то в 2022 году мы получили бы совсем иную картину в соседних с Россией странах. **По планам Запада в результате санкций, обструкций и серии антироссийских выступлений на евразийском пространстве Россия должна была окончательно потерять влияние в регионе. Но этого не произошло.** Подчеркивается, что «всё не так плохо» с точки зрения настроений народа даже в таких странах, как Молдова, но не с точки зрения взаимодействия с элитами, где есть проблемы даже в государствах ЕАЭС и ОДКБ.

Даже признавая определенные успехи российской «мягкой силы», эксперты в целом соглашались с тем, что термин «гуманитарная политика» как таковой больше соответствует нашим реалиям. Но главное – содержательное и финансовое наполнение такой гуманитарной политики, которая, наконец, должна стать важнейшим приоритетом деятельности России.

1.2. Гуманитарная политика России: что это?

Несмотря на то, что после распада Советского Союза формально прошло более 30 лет, духовно, ценностно, по межличностным, человеческим связям, он ещё распался не до конца. Завершение этого трагического процесса происходит на наших глазах. Именно поэтому мы наблюдаем столько взаимных претензий, вопросов и конфликтов. По этой же причине **мы только сейчас начинаем нащупывать и анализировать, что такое российская гуманитарная политика на евразийском пространстве.** Эксперты вновь обращают внимание на то, что термин «постсоветское пространство» уходит в прошлое и его пора переставать использовать.

Эксперты проекта «Точки Роста» предлагают следующее определение гуманитарной политики России и ее целей:

Гуманитарная политика – это комплекс мер, который направлен на развитие взаимодействия в сфере образования, культуры, науки, социальной сферы. Цель этой политики – обеспечить формирование необходимого России общественного мнения и пророссийской элиты (Марина Лапенко).

Поиск теоретического обоснования «мягкой силы» в западной литературе и попытка применить его в наших реалиях не эффективны. Настал момент, когда России необходимо развивать собственную концепцию гуманитарной политики, предусматривающую собственные подходы: создание информационной повестки, формирование основных направлений сотрудничества.

Важным шагом в этом направлении является **утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом**, которая «представляет собой систему взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом⁶».

Помимо определения общих подходов, мы должны понять, какие институты должны быть задействованы в реализации гуманитарной политики. У нас нет фактической институциональной основы: есть Россотрудничество, которое присутствует во многих странах мира, но этого явно недостаточно; есть деятельность НКО; есть работа вузов по образовательным и научным программам; есть РПЦ или духовное управление мусульман; есть эксперты (амбассадоры). Мы должны определиться, кто же все-таки участвует в гуманитарной политике и как происходит координация.

Нужно признать, что в последнее время роль НКО усилилась, что выражается в возможности получить грантовую поддержку, принять участие в ежегодных встречах С.В. Лаврова с региональными и федеральными НКО. Это работающий механизм, который необходимо использовать на постоянной основе, а не через разовые проекты и акции.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611

"Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом" // <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/a30/%D1%83%D0%BA%D0%B0%D0%B7.pdf>

При этом эксперты отмечают, что вся гуманитарная политика России имеет внутреннюю направленность, она слабо учитывает общественный сектор других государств, их население (Виктор Сапрыка). В утвержденной Указом Президента Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом общественные организации и общественный сектор почти не затрагиваются, а без этого гуманитарная политика работать не может.

Так, о роли НКО в Концепции говорится лишь единожды в контексте вопроса получения иностранными гражданами российского образования: «С учетом передового мирового опыта необходимо повышать интерес иностранной молодежи к получению образования в России, в том числе путем предоставления грантов, разработки и реализации соответствующих образовательных программ, а также посредством использования потенциала некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в иностранных государствах, сотрудничество с которыми отвечает национальным интересам Российской Федерации»⁷.

Принятая Концепция преимущественно направлена на Россию, на защиту ее интересов, однако каким образом будут достигаться поставленные цели, в ней не раскрывается (Виктор Сапрыка). Мы должны развивать информационные ресурсы, формирующие образ России, ценности, общецивилизационные концепции, но отсутствие идеологии и сформулированных общероссийских ценностей не дает возможности вести проактивную гуманитарную политику.

Для выстраивания эффективной гуманитарной политики необходимы критерии обратной связи, социологии и КРІ. Но сегодня КРІ сводится к количеству участников, мероприятий и «фуршетов»... Для обратной связи, эффективного медиа-сопровождения необходима ресурсная поддержка, но на данный момент нет ни одного евразийского фонда или финансового инструмента, который этим бы занимался. Кроме того, существует серьезная проблема «грантоедства» среди общественных организаций.

Если сравнивать Россию и Запад по грантовой политике, то у России больше проблем с бюрократией. Нужна дебюрократизация гуманитарной политики в вопросе ресурсной поддержки.

Существенными проблемами, ограничивающими эффективность российской гуманитарной политики, продолжают оставаться групповые интересы и несогласованность решений. Не редок феномен, когда разные политтехнологические проекты России заходят в страну, начинают между собой конкурировать, что приводит к конфликтам со странами, где они работают.

Зачастую отсутствует союзная логика – Россия приходит в страну работать с молодёжью, приглашает их в свои вузы, что оборачивается выкачиванием молодёжи из страны, а национальное государство ничего не получает от этого (Алексей Дзермант).

В частности, в формате Союзного государства Беларусь может принимать участие в выработке и принятии решений, иначе элиты страны-союзника воспринимают интеграцию как «игру в одни ворота», когда только Россия продвигает свои интересы. **Согласование национальных интересов – непростой процесс, но крайне важный.**

⁷ Там же

Касательно русофильских движений и соотечественников отмечается, что **у России не отработан механизм вывода русофилов из «маргинального» поля в их странах**, что должно делаться через награды, конкурсы, премии, признание этих лиц в качестве уважаемых людей. Пока же нет очевидного ответа на вопрос, что конкретному человеку дает дружба с Россией, нет эффективных механизмов защиты сторонников интеграции.

Стремительно растет количество политзаключенных из числа соотечественников и русофилов, причем не только в недружественных странах, но и на евразийском пространстве. Применявшиеся ранее не очень эффективные механизмы защиты перестают работать, а новые вырабатываются с трудом.

Зачастую единственным механизмом защиты становится репатриация или переселение в Россию. Для соотечественников в предыдущие времена было создано огромное количество заградительных барьеров с точки зрения получения гражданства. Несмотря на ряд принятых законодательных решений, направленных на частичное их снятие, ситуация в этой сфере остается сложной.

Гуманитарная политика должна исходить из интересов и проблем конкретного человека, сделавшего выбор в пользу России. Нужно прийти к тому, чтобы быть сторонником России означало безопасность, высокий статус, защиту в случае, когда за свою позицию ты можешь пострадать (*Сергей Луц*).

Имеются существенные недостатки в информационной работе по внешнему контуру. Нехватка системной и скоординированной работы в информационной сфере оборачивается снижением эффективности действий на других направлениях – успехи воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, а ошибки – крайне негативно. России нужно научиться работать с эмоциями, смыслами.

Политика сохранения статус-кво, которая реализовывалась на протяжении долгого времени на постсоветском пространстве, себя изжила. Если Россия хочет быть лидером в Евразии, то она должна иметь соответствующие ресурсы для проведения активной гуманитарной политики в этом регионе. **Надо создавать пророссийские элиты и не стесняться этого. Надо делать так, чтобы дружить с Россией было выгодно, а не дружить с ней – проблематично** (*Айк Халатян*).

Эффективная гуманитарная политика России должна быть также направлена на сотрудничество с бизнесом, корпорациями. Должна быть симбиотическая связь экспертного сообщества, НКО с представителями бизнеса, которые работают в регионах. Это позволило бы решить множество проблем, прежде всего проблему обеспечения эффективных проектов ресурсами. Необходимо решать вопросы трудоустройства, выстраивать рабочую связку «вуз-работодатель» с привлечением экспертного сообщества и НКО в качестве коммуникаторов.

При этом нужно учитывать современные реалии, связанные с тем, что молодежь всегда будет тянуться в технологические зоны, которые позволяют больше зарабатывать. Но когда нет высокого уровня производства, средств производства, возникают проблемы в образовании, потому что образование ориентировано на запросы корпораций, а если они не являются технологическими лидерами, то их специалисты не востребованы на внешних рынках. Корпорации в сырьевой экономике не заинтересованы в поддержке

гуманитарного сектора, так как они получают свои доходы на тех рынках, которые для них являются традиционными, и заходить на другие рынки, продвигать себя, работать с сознанием молодежи и потребителей им не нужно.

Если стоит цель связать корпорации с гуманитарной политикой, то необходимо объяснять корпорациям, что, если они хотят выйти на новые рынки, значит надо присутствовать на этих рынках не только через товары, но и через сознание, а это значит проведение правильной политики в СМИ и реализацию гуманитарных проектов. Только это позволит корпорациям доминировать на зарубежных рынках и обеспечивать приток инвестиций (*Алексей Авдонин*).

Пока же российский бизнес, за редким исключением, не включен в смысловую повестку. Зачастую действия крупного бизнеса не всегда совпадают с интересами Российской Федерации.

Реализуемый сегодня проект развития сети российских образовательных учреждений за рубежом направлен, в том числе, и на сотрудничество с корпорациями. Существующие подходы предполагают сетевые образовательные программы внутри ЕАЭС, взаимодействие с индустриальными партнёрами, которые дают возможность трудоустройства и реализацию научно-исследовательских работ по целому ряду направлений (*Светлана Мудрова*). Важным фактором, который может повлиять на повышение эффективности сотрудничества с бизнесом при реализации гуманитарной политики, является развитие корпоративной социальной ответственности (КСО). Привлекая компании к реализации гуманитарных проектов в странах Евразии в рамках КСО, можно не только усилить бренд компании и улучшить репутацию среди потребителей и жителей, но и решить значимые социально-экономические проблемы (*Евгения Шавина*).

Развитие системы российских образовательных учреждений за рубежом зачастую сдерживается неэффективностью отдельных ее элементов. Отсутствует гибкость в реализации гуманитарной политики, которая во многом остается на том же уровне, что и десятки лет назад. Мир динамично развивается, а наша система остается инертной (*Михаил Домуховский*).

Эксперты согласны с тем, что в реализации совместных образовательных программ в рамках ЕАЭС нужна паритетность. Партнеры должны понимать свои интересы. Российское образование должно создавать условия для формирования новой пророссийской элиты, видящей интересы своих стран и народов в развитии евразийской интеграции.

При этом эксперты признают и явные положительные тенденции в сфере НКО в России. Так, действующий с 2018 г. единый грантооператор – Фонд президентских грантов (ФПГ) – в 2024 году планирует выделить на поддержку НКО 10 млрд рублей. При этом в качестве проблемы отмечается то, что ФПГ не работает с зарубежными НКО. Реализация проектов, направленных на продвижение евразийской интеграции, осуществляется российскими организациями, юрлица из государств членов ЕАЭС могут выступать только в качестве партнеров.

Оперативно реагирует на изменение внешнеполитической повестки Фонд Горчакова: с 2023 г. стали проводиться курсы для НКО за рубежом (первый такой

опыт состоялся в Киргизии). Также в качестве новых позитивных тенденций был приведен пример того, что впервые в 2023 г. появилась образовательная программа, объединившая акторов внешнеполитической деятельности в сфере работы с НКО (Фонд Горчакова, ФПГ, Россотрудничество, Ассоциация волонтерских центров) которая направлена на обучение представителей некоммерческого сектора, тиражирование лучших практик.

Обращалось внимание на существующие диспропорции между линией на формирование ответственной позиции общества как самостоятельного субъекта и возрастающей ролью государства в регулировании общественных процессов. В российских условиях это в значительной мере неизбежный процесс, связанный со слабостью общественных структур и сильной государственной вертикалью, выступающей в том числе и распределителем ресурсов. Существующие форматы поддержки гражданских инициатив через тот же ФПГ, новые формы поддержки НКО, свидетельствует о заинтересованности государства в ответственном гражданском обществе, способном выступать надежным партнером в решении в том числе и внешнеполитических задач, с одновременной блокировкой деятельности тех структур, которые действуют в гражданском секторе не в интересах России. Этот российский опыт важен и с точки зрения его распространения на страны, являющиеся нашими партнерами по евразийским интеграционным объединениям, где наблюдается активная деятельность западных, турецких и прочих НКО, направленная на втягивание партнёров России в иные геополитические проекты и подрыв евразийской интеграции.

Эксперты подчеркивают, что гуманитарная политика по самой своей природе может быть эффективной только с учетом интересов конечного потребителя в лице человека. Российская гуманитарная политика на евразийском пространстве должна опираться на огромный опыт русской культуры по взаимодействию с другими культурами и традициями. Этот опыт заключается во взаимообогащении, раскрытии человеческого потенциала и не приемлет поглощения и подчинения. **Технологиям манипуляции, разобщения и архаизации общественных отношений мы должны противопоставить принципы евразийского общего дела, взаимоуважения, обеспечения общей безопасности и развития.**

В конечном счете человеческий фактор является ключевым как с точки зрения заинтересованности наших партнеров в реализации совместных с Россией программ и проектов, так и в наличии российских специалистов, обладающих знаниями, целеполаганием и мотивацией, способными сделать такие проекты живыми и привлекательными.

1.3. Гуманитарное влияние России в Евразии: ценности и смыслы

Ценности и смыслы гуманитарного влияния России в Евразии необходимо формировать исходя из решения общих проблем, которые сопровождали Россию и страны евразийского пространства последние 30 лет: ментальной вторичности и зависимости; проблем отсутствия координации и наличия избыточной корпоративности внутри профильных госструктур; финансирования

образования по остаточному принципу в 90-е гг. с последующим господством в образовании и науке западоцентричной наукометрии и чрезмерной бюрократизированности. Также существует проблема параллелизма функций и дублирования, накладывающаяся на конкуренцию и отсутствие коммуникации между экспертными группами.

Мы имеем определенную вторичность, которая проявляется как во включении в международные рейтинги и системы оценки, так и в отказе от разработки собственного социо-философского и социо-гуманитарного начала, которое позволило бы реализовывать многие проекты с позиции гуманитарной политики. Именно этим объясняется то, что мы в известной степени «упустили» нашу молодежь, которая формировалась под доминирующим влиянием идей западоцентричности.

Негативное наследие 90-х также проявляется в общем пренебрежении **общественным потенциалом** как таковым, в ценностном разрыве между элитой и обществом. Именно этим во многом объясняется то, что при реализации внешнеполитических задач у нас принято **выстраивать отношения преимущественно с элитами, управленческим классом**, из чего вытекает и восприятие взаимодействия с нашими партнерами на евразийском пространстве. Нам же необходимы точки роста: выстраивание новых социальных лифтов, поддержка общественных, в том числе молодежных проектов (*Александр Гуцин*).

На современном этапе развития России, в условиях проведения СВО и жесткой конфронтации с коллективным Западом, ставшими катализатором самовосприятия России как государства-цивилизации, изменение подходов к гуманитарной политике не просто назрело, но и является неременным условием развития и укрепления позиций нашей страны на международной арене. Исходя из этого, базовая концептуальная составляющая гуманитарной политики и залог укрепления её инструментария заключается именно в понимании России как государства-цивилизации, которая одновременно с защитой собственных ценностей транслирует региональный и мировой проект безопасности и развития. Он, в первую очередь, подразумевает роль России как страны – защитника суверенитета, страны – миротворца, модератора, государства, в котором доминируют традиционные консервативные ценности. Но одновременно с этим присутствует вариативность мысли и идей, имеется технологический рост, активно реализуются проекты развития, существует активное желание и стремление к дальнейшему углублению и интенсификации интеграции с партнерами по ЕАЭС, ШОС, БРИКС.

Активизация дискуссии о понимании России как государства-цивилизации выходит сегодня на новый уровень и должна всячески поддерживаться. Целью такой дискуссии должно быть не просто привлечение внимания к ней ведущих ученых и интеллектуалов, но и создание предпосылок для ликвидации зазора между декларируемыми ценностями и практической их реализацией во внутренней политике. Пока же разрыв между идеями и практикой наблюдается в целом ряде сфер, прежде всего таких как демография, семейные отношения, информационная политика, западоориентированность отдельных сегментов элит и т.д. При этом эффективное осуществление гуманитарной политики России

возможно только при соблюдении фундаментального понимания России как именно самостоятельной цивилизации, а не «другой Европы» и тем более не «другого Запада» (*Александр Гуцин*). В этом контексте эксперты отметили, что не просто технологическая или внешнеполитическая, но и ментальная суверенизация является залогом эффективной реализации гуманитарной политики. Только евразийское понимание места и роли России в современном мире, при всем уважении и осознании важности западного элемента в ее истории и культуре, является важным условием успешного будущего нашей страны.

Ценности и смыслы, которые мы несём в Евразию, могут быть сформулированы следующим образом: **«Справедливость в международных делах, невмешательство в дела суверенных государств, антиколониализм и противодействие неоколониализму, сохранение, приумножение и распространение традиционных ценностей, национальной идентичности и культуры как альтернативы западному глобализму»**. Однако если в странах Евразии политика защиты национального самосознания опирается на помощь Запада и сопряжена с культивированием русофобии, то это несет прямую угрозу их суверенитету и территориальной целостности. Эти ценности и подходы нужно транслировать не только гражданским обществам, но и элитам (*Михаил Синицын*).

Русский язык, славянское или евразийское единство, идея большого евразийского партнерства являются важнейшими ценностями и смыслами российской гуманитарной политики (*Марина Лапенко*).

Мы должны не просто повышать значимость и роль русского языка, нам **необходимо использовать русский язык как инструмент формирования элиты в странах евразийского пространства**. Но одновременно реализация гуманитарной политики России должна **учитывать и национальные языки**, так как используя только русский язык, мы упускаем большую часть молодежи и наших потенциальных сторонников в национальной среде.

Было высказано мнение, что, в первую очередь, когда мы говорим о ценностях и смыслах, **мы должны говорить о традиционной семье**, союзе между мужчиной и женщиной, направленной на продолжение рода, рождение и воспитание детей (*Виктор Сапрыка*). Такой подход на фоне деструктивных процессов, связанных с выдвиганием принципов «новой этики», «новой нормальности», трансгуманизма и множественной гендерной идентичности становится важнейшим объединительным началом для народов и культур, выступающих за сохранение человеческого в человеке.

Одновременно утверждалось, что в артикуляции смыслов, ценностей и целей как высшего уровня интеграции самым важным является **переход к инструментам развития, формулирование образа будущего мира, за который сражается Россия** (*Алексей Дзермант*).

Уже сейчас Россия может экспортировать безопасность, технологии развития, но должно появиться некое осязаемое предложение для партнеров по интеграции (*Сергей Луц*).

Российские ценности на международной арене часто связывают с консервативной повесткой, но они означают не изоляционизм или замыкание в себе, а, напротив, обеспечивают наше экономическое и социо-гуманитарное

развитие. Россия отстает от близкой к народам Евразии, большинству народов мира позиции, согласно которой **традиционные ценности, ценности семьи – это разговор о будущем, нетрадиционные – это предложение отказаться от будущего** (Фёдор Гайда).

При формулировке принципов целеполагания важно понимание того, на какую аудиторию мы работаем. На практике чаще всего это оборачивалось стремлением работать с тем поколением, которое успело пожить с русскими в одном государстве, «приобщиться» к советскому пространству. Но **наша целевая аудитория – это в том числе молодёжь**. Для объективного понимания существующих сегодня у молодёжи ценностных установок, нужно проводить социологические исследования. Имеющаяся практика соцопросов говорит о заинтересованности молодежи в том, что предложения ей должны находиться не только в плоскости идей и смыслов, но и быть «утилитарными» (стажировки, трудоустройство, карьерный рост, интересные поездки и т.д.). Поэтому **гуманитарное влияние России в Евразии зачастую проигрывает западным технологиям, так как в отличие от конкурентов мы не даем понимания того, что молодой человек получит от нас в будущем** (Дарья Куприенко).

Проведенная в рамках проекта «Точки Роста» серия исследований методом фокус-группы для определения ценностных и мировоззренческих оснований евразийской интеграции среди студентов Беларуси, Армении и ряда регионов России подтверждает, что современная молодёжь не имеет представления о том, что такое евразийские ценности. Между тем, без социологической оценки населения стран ЕАЭС никакие попытки влияния на общественное мнение не будут успешны. **При отсутствии социологически обоснованных представлений о том, как обществом воспринимается гуманитарное сотрудничество, невозможна эффективная гуманитарная политика.**

3. Интрига

В ходе второй части ситуационного анализа состоялся «мозговой штурм» с участием всех экспертов, посвященный рассмотрению интриги нынешней ситуации в контексте евразийской интеграции с характеристикой основных направлений российской гуманитарной политики с точки зрения их нераскрытых возможностей и потенциала реализации.

3.1. Русский язык и культура

Эксперты охарактеризовали проблематику, связанную с состоянием и развитием русского языка и культуры на евразийском пространстве как важнейшую в контексте выстраивания гуманитарной политики России в целом.

Русский язык все еще остается естественным языком межнационального общения в большинстве стран евразийского пространства, сохраняется высокая степень восприимчивости к русской культуре, ощущение причастности к ней, она воспринимается как ценность. Это во многом определяет сохраняющуюся связность постсоветской Евразии, в рамках которой русский язык и культура, несмотря на все дезинтеграционные тенденции объективного и субъективного плана, играют роль своеобразного «социального клея», обеспечивающего возможность общественного и межгосударственного взаимодействия в самых различных сферах. Тем не менее, эксперты были единодушны в том, что **наблюдается общее сужение сферы употребления русского языка и потеря его статуса и престижности у молодого поколения.**

Укорененности русской культуры в странах Евразии противостоят политика национальных элит и внешнее давление, направленные на вытеснение русской культуры и сокращение ее влияния. Примерами такой внешней экспансии служат турецкое проникновение в Центральную Азию с его пантюркизмом, деятельность коллективного Запада через его официальные структуры и НКО, стремление элит Евразии к нивелированию влияния России, в том числе через попытки перевода национальных языков на латиницу, а также через манипулирование историческими концепциями в образовательной сфере, в которые включают националистические, антироссийские и/или прозападные установки.

Было отмечено, что **русский язык вне контекста русской культуры как коммуникационный инструмент активно используется в антирусской и антироссийской пропаганде, проявляется тенденция «русскоязычного национализма».**

Тем не менее, по мнению специалистов – участников «мозгового штурма», **сохраняются объективные возможности для укрепления позиций русского языка и культуры в государствах ЕАЭС.** Они связаны, прежде всего, с тем, что русский язык занимает прочные позиции «языка-посредника», является естественным языком межнационального общения, основным языком бизнеса и науки. Соответственно, владение русским языком дает преимущества на рынке труда, особенно на пространстве Евразийского экономического союза.

Экспертами отмечается, что билингвизм – владение русским наряду с родным языком – выступает как конкурентное преимущество на современном рынке труда.

По мнению участников ситанализа, потенциал восстановления позиций русского языка на евразийском пространстве связан как со сферой применения современных технологий, так и с культурно-гуманитарной сферой. Сохраняется высокий потенциал влияния русского языка как языка Интернета и социальных сетей. Одновременно отмечается, что до сих пор не раскрыт потенциал влияния русского языка как инструмента формирования межконфессиональной и межнациональной терпимости. Более того, не раскрыт потенциал высокой степени восприимчивости к русской культуре и ощущения причастности к русской культуре.

3.2. Российское образование и наука

Ключевым стратегическим ресурсом России является ее интеллектуальный потенциал. В этом контексте продвижение российского образования и укрепление его позиций на евразийском пространстве является «инвестицией в будущее» всех стран ЕАЭС. При этом состояние российского образования и науки на современном этапе, по мнению экспертов, характеризуется тем, что **высшая школа находится в переходном периоде, связанным с отказом от Болонской системы.** Однако для многих, в том числе и в странах постсоветской Евразии, этот переход небезосновательно видится как излишне медленный, половинчатый, реактивный, а не проактивный, лишенный долгосрочной стратегической задачи, осуществляемый скорее вынужденно.

Эксперты отмечают наметившиеся позитивные тенденции в сфере образования и науки на евразийском пространстве. Активизация России проявляется, в частности, в расширении квот для студентов из стран СНГ, создании и развитии филиалов некоторых вузов в ряде государств, усилении внимания к славянским университетам. Тем не менее, недостаточной представляется студенческая и академическая мобильность, ощущается нехватка горизонтальных связей между вузами и научными центрами. Серьезной проблемой остается общий эконоцентризм и остаточное отношение к сфере образования, отсутствие высокого социального статуса педагога и научного работника, снижение кадрового потенциала преподавателей и научных работников. Выпускники из стран постсоветской Евразии, закончившие вузы России, зачастую не возвращаются в свои страны. Следовательно, образование в данном случае слабо работает как фактор формирования комплиментарно относящихся к России элит.

Отмечается необходимость реформирования системы славянских университетов, созданных на основе двусторонних межправительственных соглашений, дальнейшего расширения квот для поступления в вузы России. В большинстве стран доминируют западные программы, стандарты оценки образовательных проектов и научных трудов.

В связи с международным кризисом и санкциями наблюдается разрыв устоявшихся связей с партнерскими образовательными и научными центрами, находящимися в недружественных странах, что также наносит определенный урон восприятию российского образования в странах постсоветской Евразии. Необходимо развитие и укрепление статуса национальных российских оценочных и рейтинговых систем с выходом на евразийские, чему в немалой степени препятствует инерция прозападного мировосприятия в образовательной и научной сферах России.

Главные возможности укрепления российского образования и науки в странах ЕАЭС, по мнению экспертов, связаны с тем, что **в странах Евразии сохраняется высокая востребованность российских дипломов**. Российское образование является одним из лучших физико-технических образований в мире, а РИНЦ при его качественном развитии и продвижении может быть привлекателен для представителей образовательного и научного сообщества в Евразии. Отечественное образование может решать вопросы, связанные с импортозамещением, в том числе активно содействовать процессам интеграционного евразийского импортозамещения, возможно внедрение сетевых образовательных программ по опережающим направлениям российской науки и образования. Также большие возможности для интеграции и преодоления межкультурных барьеров связаны с развитием образовательного туризма.

3.3. Общественная дипломатия

Состояние российской общественной дипломатии на евразийском пространстве, по мнению экспертов, связано, прежде всего, с факторами, характерными для жизни российского гражданского общества, его взаимоотношений с государством. Среди них отмечают: **неразвитость горизонтальных связей, зависимость от государства, фактически отсутствие самостоятельных ресурсов для системной работы**.

Нехватка финансирования приводит к главному негативному последствию – **отсутствию возможностей долгосрочного планирования проектной деятельности**. Наблюдается дублирование проектов, отсутствует координация и системное развитие, нередки «конфликты интересов». Реализуемые проекты не всегда учитывают местную специфику, не обладают необходимой степенью экспертной проработки. Значительная часть работы при этом осуществляется энтузиастами, которые не получают ни должного вознаграждения, ни перспектив социального роста, что приводит к высокому уровню профессионального и эмоционального «выгорания».

При этом отмечают негативные тенденции на внешнем контуре: происходит целенаправленная дискредитация российских НКО и реализуемых проектов в странах евразийского пространства, в рамках которой общественные деятели и журналисты пророссийских взглядов подвергаются преследованиям и репрессиям. При этом их защита осуществляется в недостаточной степени, что определяется опасением негативных реакций у элит постсоветских государств. Такой подход, который кажется тактически оправданным, стратегически ведет к ослаблению позиций России в глазах элит и общества этих стран.

Негативным фактором является также то, что евразийская тематика не разработана концептуально. Отсутствует система единого «госзаказа» со стратегическими целями и задачами. В деятельности НКО наблюдаются преимущественно страновая специализация и работа «от проекта к проекту», которые зачастую слабо связаны между собой.

Реализация проектов по линии общественной дипломатии в странах ЕАЭС связана, по мнению экспертов, с целым рядом возможностей. Среди наиболее важных из них – **сохранение высокого запроса общества в странах евразийского пространства на присутствие российских НКО**, общественных проектов, профессиональной экспертизы. Российские проекты воспринимаются в целом комплиментарно, а в значительном числе стран политические и управленческие элиты считают их определенным противовесом доминированию западных, турецких НКО, арабскому и китайскому влиянию.

3.4. Соотечественники за рубежом

Состояние политики в отношении соотечественников за рубежом в странах ЕАЭС, с точки зрения экспертов, характеризуется **доминированием сугубо официальных форм работы с соотечественниками**. Причем эта работа направлена и наиболее востребована пожилым поколением, которое изначально более комплиментарно к России. При этом **нет плотного системного взаимодействия и работы с молодежью из числа соотечественников за рубежом**. В частности, крайне недостаточно используются современные востребованные молодежью форматы, такие как клубы и сообщества, арт-проекты, интерактивные площадки и т.д.

То, что предлагается на больших значимых мероприятиях соотечественников по сохранению русского языка и другим темам – «не вчерашний, а уже позавчерашний день». Наблюдается повторение тезисов еще первых конференций и конгрессов соотечественников, которые не соответствуют ни реалиям жизни соотечественников, ни новой международной обстановке. В ряде стран евразийского пространства соотечественники с открыто пророссийской позицией подвергаются преследованиям и репрессиям. Их защита, в том числе в медийном поле, представляется недостаточной. Статус соотечественников в самой России не является высоким, в то время как их поддержка должна приводить к формированию в сопредельных странах понимания, что репрессии в отношении этой категории граждан приведут к неминуемой ответной реакции.

Реализуемым по теме соотечественников проектам, в т.ч. грантовым, программам в рамках госзадания, не хватает экспертного сопровождения. Часто исполнители таких проектов никогда не жили за рубежом, не знают реалий в странах проживания соотечественников, не представляют страновых особенностей и отличий.

При постоянных декларациях о необходимости «защитить соотечественников» не выработан механизм их правовой защиты, поддержки на местах, а при необходимости, – содействия в оперативной репатриации.

Существующий формат работы с соотечественниками преимущественно ориентирован на «консолидацию» вокруг координационных советов. При этом сами координационные советы зачастую не являются влиятельными и авторитетными структурами среди соотечественников. Структуры соотечественников за рубежом не обладают собственной ресурсной базой, экономической основой, часто не проявляют политической активности и лишены политического представительства. Существующая программа переселения соотечественников не соответствует нынешним реалиям, не отражает интересов значительной части соотечественников, в то время как на повестке дня стоит задача по осуществлению репатриации.

В связи с событиями на Украине, антироссийской санкционной политикой Запада и взрывным ростом русофобии в недружественных странах, в государствах Евразии также наблюдаются расколы и идеологические размежевания среди русских и русскоязычных общин, радикализируются антирусские и антироссийские настроения. Некоторые государства, в том числе члены ЕАЭС, стали местом приема т.н. «релокантов». Одновременно продолжается исход традиционного русского населения из государств Центральной Азии. Качественные и количественные изменения в русском зарубежье на фоне радикальных изменений в международных отношениях требуют концептуального пересмотра основ государственной политики в отношении соотечественников за рубежом.

При этом **соотечественники остаются потенциально важным ресурсом общественной, народной дипломатии, связывающей страны их проживания с Россией, поскольку они являются одновременно частью гражданского общества страны проживания и России.** Соотечественники способны оказывать позитивное влияние как на настроения общества, так и на курс властей стран евразийского пространства. Соотечественники обладают большим демографическим и трудовым потенциалом, являясь в качестве репатриантов ресурсом развития для многих регионов России и страны в целом. Существенная возможность повышения эффективности работы с соотечественниками лежит в плоскости активизации взаимодействия с ними как с частью общества стран проживания. Соотечественники могут принимать участие в реализации совместных проектов в этих странах, экспертизе, работе в медиа, в широкой деятельности по формированию комплементарного отношения к России.

3.5. Молодежная политика

Состояние российской молодежной политики в странах ЕАЭС на современном этапе, с точки зрения экспертов, определяется прежде всего **негативными тенденциями, которые проявляются в молодежной сфере в самой России.** Главным образом, это отсутствие у государства комплексного образа молодежи. Наблюдается устаревшее представление о том, как работать с молодежью. Проекты часто реализуются не «с» молодежью, а «для» молодежи. Молодежной политикой занимается не молодежь, решения принимаются без учета мнения молодежи и страдают формализмом. Ощущается нехватка

энергичных лидеров общественного мнения, заинтересованных в общей молодежной политике.

Среди самой молодежи наблюдается снижение авторитета взрослого человека, что сопровождается наличием серьезного межпоколенческого разрыва. Проблемы имеются и в контексте отсутствия в странах евразийского пространства единой правовой базы по молодежной политике, имеется острая нехватка межкультурного диалога в молодежной среде.

Развитие эффективной молодежной политики в странах ЕАЭС связано с **возможностями развития социальных лифтов, практикоориентированностью на системном уровне, содействием в определении и реализации карьерных траекторий молодежи.** Большие возможности предоставляет популяризация волонтерства и добровольчества за рубежом, реализация программы «Евразийский волонтер», поощрение молодежного евразийского туризма. Крайне востребованы проекты, нацеленные на формирование межнациональных молодежных евразийских сообществ, реализуемых самими молодыми людьми с выдвижением лидеров и расширением сообществ за счет их активности.

3.6. Медиафера

В качестве важной черты современного состояния медиаферы в контексте евразийской интеграции эксперты выделили ведущуюся против России **информационную войну.** Со стороны Запада происходит манипулирование общественным сознанием, цель которого – внушить людям, что надо менять ориентацию: отвернуться от России в сторону других стран, в зависимости от региона, преимущественно в сторону Запада. При этом Россия **должна быть более инициативной** в методичности «контригры», алгоритмах действий и оценке эффективности воздействия. Инертность и неповоротливость, отсутствие тонкости и гибкости донесения своих образов в сознание аудитории, к сожалению, до сих пор не изжиты. При этом все еще недостаточное внимание уделяется развитию «новых медиа», по степени влияния и доверия конкурирующих с традиционными. Уровень владения русским языком снижается, сокращается охват русскоязычного вещания, политические же передачи центрального российского ТВ не учитывают специфику стран-партнёров по евразийским интеграционным проектам, ориентируются на внутреннюю российскую аудиторию, что вызывает негативную реакцию в этих странах. Пророссийские журналисты и медиа порой испытывают давление, против них разворачиваются репрессии.

Отмечается **недостаточный уровень экспертного сопровождения странового вещания.** При этом сам русскоязычный контент, в том числе деятельность ряда лидеров общественного мнения, особенно в молодежной среде, носит если не открыто антироссийский характер, то по крайней мере страдает отсутствием гражданственности, культом потребления, инфантилизмом, картинкой красивой жизни, а не органического труда.

Возможности российской и пророссийской медиаферы в странах ЕАЭС эксперты видят в **наличии запроса на взвешенную российскую позицию в**

СМИ, учитывающую страновую специфику. Россия обладает потенциалом для более активного влияния на аудиторию евразийских стран как через традиционные каналы вещания, так и через «новые медиа». Сохраняется потенциал расширения русскоязычного вещания через активизацию работы с местными и привлеченными журналистами, экспертами, СМИ.

Имеются резервы в сфере расширения потенциала информационного присутствия в странах постсоветской Евразии и соседей через сеть партнерских взаимосвязанных телеграм-каналов и др.

Участники ситуационного анализа также констатировали важность того, что создание медиахолдинга Союзного государства Беларуси и России могло бы стать моделью координации информационной работы в рамках ЕАЭС.

4. Практические предложения и рекомендации

В заключительной части ситанализа эксперты резюмировали свои практические предложения и рекомендации по шести направлениям: русский язык и культура, российское образование и наука, общественная дипломатия, соотечественники за рубежом, молодежная политика, медиасфера.

4.1. Русский язык и культура

Инструментами продвижения и укрепления позиций русского языка и культуры в странах Евразии могут выступить:

1. Дальнейшее развитие сети русских школ за рубежом, причем не только государственных, но и частных, при центрах русской культуры, православных приходах, с участием бизнеса и т.д.
2. Совершенствование системы обязательного языкового экзамена при приеме на работу в России. Введение экзамена по русскому языку с присвоением уровня владения языком и признанием при поступлении на работу и в высшие учебные заведения (аналог TOEFL, IELTS и др.).
3. Сертифицирование преподавателей русского языка в странах ЕАЭС.
4. Создание Евразийского культурного фонда.
5. Расширение и активизация на территории Евразии деятельности Фонда «Русский мир» и его центров.
6. Создание единого евразийского оператора (центра) по продюсированию гастролей, концертов, выступлений творческих коллективов и т.д.
7. Брендинг и популяризация серий учебных пособий и словарей.
8. Развитие и продвижение программного обеспечения на русском языке, интернет-сервисов, сервис-услуг по переводу денег и др.
9. Развитие русскоязычной IT-индустрии, кибер-спорта, игровой индустрии.
10. Реализация совместных программ книгоиздания и развития узнаваемых «брендовых» сетей книжных магазинов как модных центров русской культуры и досуговых центров (пример – книжный магазин «Достоевский» в Москве).
11. Развитие системы бесплатных сетевых библиотек с собранием аудиокниг на русском языке.
12. Издание произведений популярных национальных авторов на русском языке и русских авторов на национальных языках.
13. Синхронизация мер по продвижению русского языка в странах ЕАЭС с мерами по повышению компетенций преподавания национальных языков.

Эксперты особо выделяют такие практические меры по продвижению и укреплению позиций русского языка и культуры в странах Евразии, как:

- Дальнейшее расширение сети русскоязычных школ, филиалов российских университетов, причем **с русским языком как иностранным**.
- Повышение престижа и уровня финансирования учителей и преподавателей русского языка за рубежом – **«русский учитель» снова должен стать брендом качества и статуса**.
- Внедрение методов активного рекламного продвижения и вытеснения конкурентов путем формирования ассоциативных образов: **«русский = богато – тепло – мир – порядок – семья – поддержка – развитие – интеллект»** и т.д. Образы должны идти в виде легких коротких видео и интервью/комментариев иностранцев (**«им хорошо от того, что они знают русский»**).
- Интеграция творческих союзов и сообществ, например, создание Евразийского союза художников, Евразийской кинопремии, программы регулярного обмена выставками, концертами, постановками. Причем во всех мероприятиях должна обязательно присутствовать мировоззренческая, идеологическая составляющая (**«Россия – культурный интегратор Евразии»**).

4.2. Российское образование и наука

Инструментами усиления позиций российского образования и науки в странах Евразии, с точки зрения экспертов, могут выступить:

1. Экспорт и импорт российского образования и науки, развитие совместных образовательных программ.
2. Развитие научной мобильности и академический обмен.
3. Содействие взаимному признанию научных публикаций.
4. Создание международных научных и экспертных групп по приоритетным исследовательским направлениям.
5. Подготовка регионоведов и страноведов со знанием языков.
6. Повышение престижа российского ученого и преподавателя посредством повышения социального статуса, достойной оплаты труда, создания позитивных образов в Масс-медиа и др.
7. Создание специальной премии ученым Евразии.
8. Создание Фонда евразийских исследований.
9. Развитие приграничного и межрегионального сотрудничества вузов.
10. Развитие международных программ дополнительного образования.
11. Создание рейтинга Евразийских университетов и собственного евразийского рейтинга цитируемости.

Среди приоритетных практических мер по усилению позиций российского образования и науки в странах Евразии эксперты выделяют:

- Развитие идеи **Евразийского образовательного консорциума** (члены: образовательные организации и НКО стран ЕАЭС и СНГ). Форма реализации – программы краткосрочных стажировок и обменов студентами в рамках консорциума по профильным гуманитарным направлениям в рамках тематики евразийской интеграции, а также создания цифровой Евразийской образовательной платформы с лекциями экспертов и ведущих исследователей по профильным гуманитарным направлениям.
- Создание максимально выгодных условий для **привлечения в ВУЗы ученых и специалистов из других стран мира**, в первую очередь в области STEM (математика, физика, химия и другие естественные науки).
- Развитие практик создания на базе ВУЗов **научных кластеров по разработке технологий**.
- Создание работающих **программ студенческого и академического обмена** по типу Эразмус в странах ЕАЭС и подключение к ним партнёров за его пределами (речь идет о грантовых программах обмена, в которых конечными грантополучателями являются конкретные люди, что является самой эффективной формой индивидуального сопровождения).
- Включение бóльшего количества вузов в **Евразийский сетевой университет**, формирование квот на обучение по программам, реализуемым по евразийской тематике для студентов из стран ЕАЭС.
- Расширение системы квот при одновременном **увеличении грантовой поддержки талантливых студентов** и молодых научных сотрудников.
- Создание условий для **возвращения подготовленных в российских ВУЗах специалистов в свои страны** для работы по полученной специальности.

4.3. **Общественная дипломатия.**

Инструментами повышения эффективности реализации проектов по линии общественной дипломатии в странах Евразии, с точки зрения экспертов, могут выступить:

1. Формирование «госзаказа» для НКО в целях создания правовых возможностей для реализации ими долгосрочных («сквозных») проектов.
2. Содействие развитию системы филиалов и представительств организаций, занимающихся публичной дипломатией в странах евразийского пространства с функцией оперативного проведения мероприятий, отбора активных кадров, реализации проектов на местах и их поддержки. Кадры необходимо выращивать изнутри и оставлять их работать в своих государствах.

3. Развитие системы коллективных грантов на проекты в сфере публичной дипломатии, предполагающие их реализацию не одной организацией, а несколькими, в т.ч. из разных стран (стимулирование кооперации НКО).
4. Более тесное развитие взаимодействия НКО с бизнес-структурами, научно-образовательными центрами, вузами (симбиоз).
5. Реализация проектов секторальной, «специализированной дипломатии» (молодежный парламентаризм, экологическая дипломатия, энергетическая дипломатия и т.д.).
6. Выработка механизмов защиты и поддержки пророссийских общественных деятелей за рубежом.
7. Разработка простых алгоритмов действий с визуализацией (картинки, схемы, методички) для участников общественной дипломатии.

Приоритетными практическими мерами по повышению эффективности инструментов российской общественной дипломатии в странах Евразии являются:

- **Дебюрократизация грантовой политики**, в том числе упрощение системы подачи заявок и сдачи отчетности (по примеру Фонда президентских грантов).
- **Расширение возможностей долгосрочной реализации для зарекомендовавших себя проектов союзной и евразийской направленности**, в том числе путем их интеграции в государственные и союзные программы.
- **Повышение уровня координации** деятельности экспертных центров и НКО с учетом, например, координационного потенциала таких площадок как Клуб Горчакова при Фонде Горчакова.

4.4. Соотечественники за рубежом.

Инструментами повышения эффективности работы с соотечественниками в странах Евразии, с точки зрения экспертов, могут выступить:

1. Формирование стратегии работы как по конкретным регионам, так и по отдельным странам.
2. Повышение уровня экспертного сопровождения работы с соотечественниками.
3. Внедрение новых форматов работы, ориентированных на интересы соотечественников на местах (поддержка процессов самореализации соотечественников) с возможностями развития их потенциала как общественного, экономического и политического ресурса в странах проживания.
4. Повышение статуса активных соотечественников и поддерживающих интеграцию с Россией, выработка механизмов правовой защиты, поддержки соотечественников на местах, а при необходимости – содействия в оперативной репатриации.

5. Активная работа с молодежью за рубежом через создание мест/площадок неформального общения, самовыражения и признания.
6. Проекты по работе с релокантами в странах Евразии, направленные на усиление уровня их лояльности России, выведения из-под ментального влияния Запада с перспективой дальнейшего возвращения на Родину.
7. Совершенствование законодательства в части облегченного получения гражданства России, репатриации и правовой защиты.
8. Привлечение потенциала российских (и не только) НКО для реализации проектов на местах.
9. Поддержка и развитие СМИ на русском языке и СМИ соотечественников.

Приоритетными практическими мерами по работе с соотечественниками в странах Евразии являются:

- Повышение статуса активных и поддерживающих интеграцию соотечественников через признание со стороны России: премии, награды, информационная подсветка. Эти люди **не должны быть маргиналами, но уважаемыми и признанными людьми**, прежде всего – со стороны России.
- **Активная работа с молодежью за рубежом** (возрастная категория 18-35 лет) через создание мест/площадок неформального общения и самовыражения и признания.
- **Совершенствование законодательства** в части облегченного получения гражданства России, репатриации и правовой защиты.
- Привлечение соотечественников и организаций соотечественников **к проектам, направленным на поддержку союзной и евразийской интеграции**, использование экспертного и организационного потенциала соотечественников при реализации таких проектов.

4.5. Молодежная политика

Инструментами повышения эффективности российской молодежной политики в странах ЕАЭС могут выступить:

1. Вовлечение представителей бизнеса для реализации молодежных программ.
2. Более активное использование современных форм выражения мнения молодежи (соц. сети, телеграмм-каналы и др.).
3. Прозрачная система поддержки молодежи, содействие большей открытости.
4. Развитие института амбассадоров, популяризирующих лучшие практики среди сверстников.
5. Совершенствование института молодых учителей, популяризация профессии, активизация сотрудничества педагогических вузов, систем стажировок школьных учителей и т.д.
6. Создание Фонда поддержки евразийских молодежных институтов и инициатив.

7. Создание евразийской программы «Конструктор проектов для молодежи».
8. Необходимо создание и развитие методологии работы с целевой молодежной аудиторией в странах евразийского пространства, исходя из её возрастной дифференциации.
9. Создание молодежной евразийской онлайн-биржи труда, специального приложения для поиска постоянной работы, работы в проектах, волонтерской работы.
10. Разработка и внедрение «Евразийской молодежной карты», объединяющей и интегрирующей туристические, образовательные, просветительские ресурсы и льготы.
11. Поддержка молодежных стартапов, имеющих евразийский интеграционный характер.

Эксперты обращают особое внимание на следующие приоритеты при работе с молодежью Евразии:

- Молодежная политика на евразийском пространстве должна быть не планом для формального выполнения, а **системой инициативных мер, направленных на поддержку и формирование запросов молодежи вовлекаться в проекты и идеи на русском языке.**
- Меры **поддержки молодых семей** как материального, так и информационно-психологического характера, направленные на создание образа семьи как стержневого элемента человека и общества.
- Развитие **евразийских программ материнства и детства**, направленных на адаптацию молодых мам в социально-профессиональной среде и общее укрепление роли материнства в жизни евразийской женщины.

4.6. Медиафера

Инструменты решения проблем и раскрытия возможностей развития медиаферы в странах ЕАЭС видятся следующим образом:

1. Необходимо изменить формат подачи материала о евразийской интеграции и ее преимуществах для стран-участниц (сделать больше ярких передач, интервью с интересными людьми и др.).
2. Важно давать больше информации, направленной на формирование позитивного образа России на евразийском пространстве.
3. Необходимо давать объективную информацию о России и евразийской интеграции на национальных языках, особенно там, где позиции русского ограничены.
4. Развитие сети независимых СМИ (не связанных напрямую с государством) пророссийской и проевразийской направленности.
5. Сотрудничество в медиафере с силами, которые ориентированы на Россию в своих странах, их вывод из «маргинального поля».
6. Создание механизмов защиты и поддержки пророссийских журналистов и экспертов.

7. Формирование пула экспертов страновой и региональной специализации.
8. Создание ресурсов, информагентств, специализирующихся на отдельных направлениях: бизнес, высокие технологии, культура, наука, но с общей интеграционной идеологией и целеполаганием.
9. Распространение информации о позитивном влиянии евразийской интеграции в странах ЕАЭС через наружную рекламу.

Приоритетными практическими мерами по повышению эффективности работы в медиасфере стран Евразии являются:

- Разработка требуемых образов России, интеграции, русского языка и их плановое и методичное тиражирование по всем каналам коммуникаций. Внедрение связок образа и действий: **«русский язык – это богато – иди и стань богатым – учи русский язык»**, **«русский – значит технологично, ново, русский – значит будущее»** (красивые картинки с передовых предприятий).
- Изменение формата подачи материала о евразийской интеграции и ее преимуществах для стран участниц (**больше ярких передач, интервью с интересными людьми и др.**), а также о России (формирование позитивного образа России на евразийском пространстве).
- Создание сети связанных медиаресурсов (интернет-портал, ютуб-канал, телеграм-канал и др.), **занимающихся идеологическим противостоянием, контрпропагандой** в отношении противников евразийской интеграции и России как государства–цивилизации.